

В перерывах между основным действием спектакля Польского театра из Вроцлава "Иммануил Кант" по пьесе Томаса Бернхардта жизнь на сцене не замирает.

Люди массовки, вторые действующие лица становятся в эти минуты первыми. Чародей антракта, они крепко усвоили, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. И у трюмной команды океанского лайнера есть свой лидер — Антикапитан (Томаш Лулек), что заметно моложе настоящего Капитана (Милогост Речек) и за которым сразу угадывается сила.

Быть на корабле мы так и не дождемся, но напряжение между палубой и трюмом постепенно нарастает — и есть все основания полагать, что трюм рано или поздно возьмет верх над палубой.

Режиссер спектакля Кристиан Луна искусно нагнетает это напряжение. И к финалу, когда персонажи трюма как бы братаются с героями палубы, в разгар веселья на вечере с лампонами делается понятным, что кораблю, держащему курс на Америку, путь туда заказан. В какой-то момент Антикапитан напрямую сообщает на ухо Капитану нечто угрожающее.

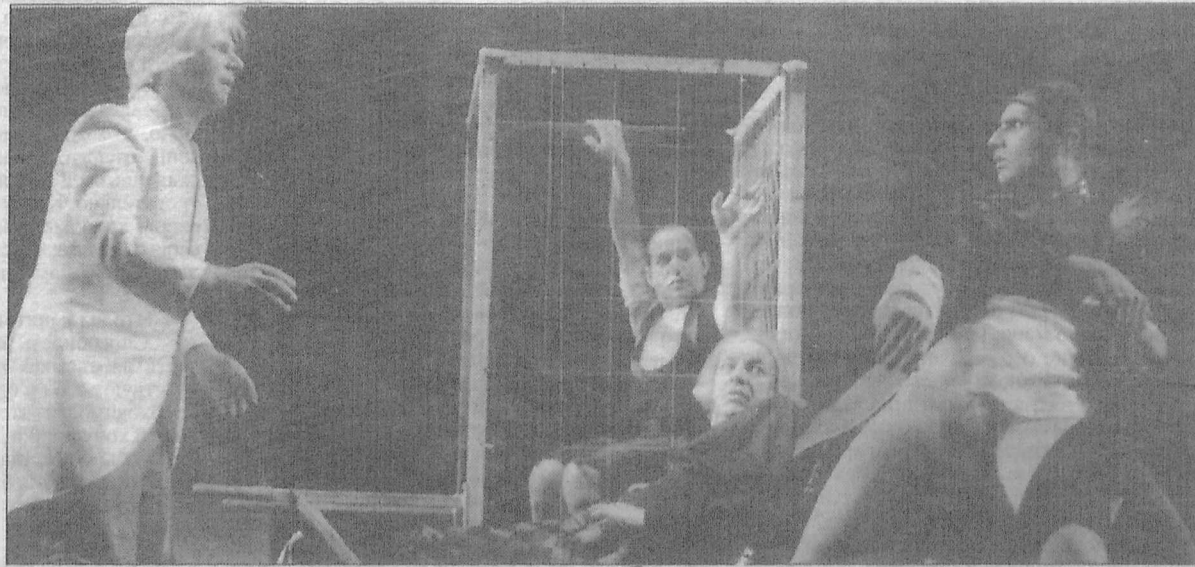
Но помимо опасности внутренней здесь незримо присутствует и куда более серьезная внешняя опасность. И чем дальше продвигается корабль, тем явственнее растет ощущение, что ему суждено будет погрузиться на дно. За отсутствием сколь-нибудь заметных событий не пролипают этим ощущением пассажиры. Постепенно нам самим начинает казаться, что мы тоже присутствуем там на палубе и плывем вместе с пассажирами корабля в их никуда.

Время от времени за раздвигающимися шторами бывают видны проплывающие мимо острова с застывшими в полной неподвижности фигурками местного туземного населения. Периодически палуба слегка сотрясается от сильных гудков невидимой нам трубы. Иллюзию движения поддерживает тихое звучание синтезатора (на нем музыку композитора Яцека Осташевского вживую играет Даруш Самаркад), едва ли не беспрерывное. Ну и еще мелодии в антрактах, поначалу, приятные, как, например, "Амафоза" с ее негой и истомой, затем первиччески-джазовые, возбуждающе-чувственные и, на-

конец, "Голубой Дунай" Штрауса. Венский вальс — это патристично, если вспомнить, что автор пьесы австриец.

И все же видно, что польскому режиссеру герой пьесы ближе, чем драматург: Кант, реальный Кант жил совсем неподалеку в Кенигсберге. Правда, у реального Канта не было жены и он предпочитал никуда не ездить и сидеть дома. Зачем куда-то ездить человеку, который уверен в том, что коли он мыслит, значит он существует. Так что придуманный Бернхардтом Кант с таким же успехом мог бы называться, допустим, Эйнгштейном. Главное здесь, что он — философ,

мировая знаменитость, человек, как тому и положено, не от мира сего. Впрочем, это скорее мир не от Канта сего или не от сего Эйнгштейна: с ними-то все в порядке, а вот с миром... На эту тему, собственно, и написана пьеса, на эту тему и поставлен спектакль, которому своеобразный парадоксалист Луна, сам без пяти минут Кант, приделал другой финал. У Бернхардта герой приплыл в Америку, где его ожидала психушка вместо восторженного приема. Автор этих строк, хоть и совсем не Кант, но тоже, как и он, считает: не выходи на улицу, там одни неприятности. Автор этих строк дерзил

Экран и сцена

Торжество попугая

пойти дальше Канта, предпочитая не высовываться даже в коридор, особенно если это коридор театральный. Режиссер спектакля пожалел не Канта, а все человечество, и корабль у него недоезжает до распроклятой этой Америки, а просто плывет — просто, как все гениальное.

Путешествует на нем, строго говоря, не столько Кант, сколько квартет Канта, где главной фигурой является не выживающий из большого ума мудрец, а его же почтенного возраста попугай Фридерик (Клинтгоф Драч). Дальше следуют слуга попугая и Канта Эрнст Людвиг (Генрих Небудек) и жена Канта, которой у него отродясь не было, фрау Кант (Кшислава Дубелувна). Если немощного Канта лишь поддерживают, предоставляя все же свободу передвижения, то попугая буквально носят на руках в огромной клетке, да еще накидывают на него покрывало, на котором только что не вышиты вензеля: VIP. Попугай совершенно точно знает, что свобода — это тюрьма, и насмешливо поглядывает на окружающих, пребывающих в постоянной неволе по ту сторону решетки. Попугай вообще насмешлив, как наш артист Хазанов, который откровенно завидует попугаям и мастерски передразнивает их. Попугай Фридерик никого не дразнит и преимущественно молчит, стонически перенося реченспускания хозяйина. Лишь изредка попугай позволяет себе выкрикнуть слово "Императив!", напоминая, что он птичка философа, а не какого-нибудь банкира или премьер-министра. Болтает же без умолку именно Кант, болтает как распоследний попугай. Играющему Канта Войцеху Земьянскому удается воссоединить в нем экзальтированность и блаженность, свет простодушия мудрости излучает немолодое его лицо.

Словобохотливого Канта здесь никто не слушает, даже жена, которая потому и остается женою Канта, что научилась его не слушать.

Если честно, здесь, на палубе плывущего корабля, вообще никто никого не слушает, хотя все и общается друг с другом. Жена Канта не слушает Миллионершу (Галина Расякувна),

подолгу беседа с ней. Миллионерша, у которой в погибшем "Титанике" осталась куча драгоценностей, не слушает даже Канта. И все остальные, помимо Капитана, и Адмирал (Анджей Мрозек), и Кардинал (Павел Оконьский) и Стюард (Адам Цивка), и Повар (Иадеуш Шимкув), и Коллекционер произведений искусства (Богуслав Киерц) — все предпочитают пребывать в этом состоянии размягченного, разобитного общения. Только Капитан делает вид, что слушает всех, как делает вид, что Капитан — он, а вовсе не Антикапитан, который, напротив, никакого вида не делает, а с недвусмысленно нахальным видом молча наблюдает за происходящим.

Кант тут явно никому не нужен и неинтересен, кроме жены, слуги и попугая. Равно как никто не нужен и Канту, кроме, разумеется, все того же попугая.

"Магический реализм", благодаря которому материал этой бесконфликтной, текучей пьесы производит неистинное завораживающее впечатление, уже в силу самой своей природы настаивает на неяркости, размытости изображения, приглушенности красок и тонов. Луна так и поступает со сценическим действием, подчинив его болерообразному ритму и дистанцировавшись от него на некое созерцательное расстояние. Зрители рано или поздно тоже втягиваются в действие благодаря этой возможности созерцать — активно бездействовать вместе с персонажами.

Спектакль Луны имеет ярко выраженную медитативную направленность. Это спектакль для релаксации. И вполне закономерно, что он завершается нешумным балом, длинным званым вечером при лампонах, где даже доходяга Кант обнаруживает в себе силы повальсировать с Миллионершей. Бал явно удается на славу, и даже давно давший обет молчания попугай нарушает его, с неподдельным восторгом выкрикивая: "Пан танцует! Пан танцует! Пан танцует!.."

В конце концов уже попугаю хочется дать провинце Кант и идентифицировать его с философом. Искренность первого и мудрость второго могут составить в сумме нечто совершен-

ное. Оба они необходимы друг другу в той самой степени, в какой Северный полюс невозможен без полюса Южного.

Попугай торжествует потому, что припел в крайнее возбуждение его дышащий на ладан хозяин. Танцующий Кант совершенно не замечает радости старой птицы, но это вовсе не значит, что она ему не дорога. Кант уверен в попугае больше, чем в самом себе.

И оба они настолько счастливы на этом неожиданном празднике жизни, что, кажется, заслужили полное право умереть от радости, к чему, похоже, дело и идет.

Хозяин танцует. Ликует попугай. Палуба гуляет. Трюм ждет. Корабль плывет. Еще немного — и его днище наверняка будет продырявлено каким-нибудь айсбергом. Это или что-то подобное непременно случится. Большие остальных повезет Миллионерше, ей уже не нужно будет снаряжать экспедицию к месту погибшего "Титаника": дочке самой выпадет судьба оказаться там.

Кристиана Луну, поставившего пьесу "Иммануил Кант", не хочется причислять к пессимистам, равно как и ее автора. Вслед за своим героем драматург и режиссер обнаруживают свою гармонию в кажущейся дисгармонии бытия, во внешнем его хаосе.

У себя на родине, во Вроцлаве, поляки играют этот спектакль на заброшенном вокзале. Тем самым Луна как бы умножает движение людей в никуда, придавая ему очертания всеобщности. На Чеховском фестивале спектакль шел на большой сцене Театра Российской армии, превращенной в сцену малую. И может, вполне достаточно этого вот ощущения личного присутствия на палубе плывущего корабля, возлихшего здесь, в самом чреве звездного-краснознаменного театра-лайнера? Ведь и оно внушает мысль, что туда плывут все, абсолютно все, и нечего завидовать этим выскочкам — доходяге Канту с окончательно сбрендившим его попугаем...

Виктор ГУЛЬЧЕНКО

● Сцена из спектакля